

**МЫСЛЮ -
СЛЕДОВАТЕЛЬНО,
СУЩЕСТВУЮ**

АНТОН КОРЧЕВСКИЙ

Антон Корчевский
**Мыслю – следовательно,
существую**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70266052
SelfPub; 2024*

Аннотация

Дорохов, сотрудник Комитета охраны правопорядка, участвует в поимке биоробота, сбежавшего из отдалённой исследовательской станции. Необычность ситуации в том, что прежде биоры никогда не проявляли подобной самостоятельности. Изображение для обложки сгенерировано с помощью нейросети "Шедеврум" shdevrum.ai

Содержание

Эпизод 4	5
Эпизод 2	12
Эпизод 5	26
Эпизод 3	35
Эпизод 6	48
Эпизод 1	58
Эпизод 7	69

Антон Корчевский

Мыслью – следовательно, существую

*И сотворил Бог человека по образу Своему
Библия. Глава 1 стих 26*

И сказал твой Господь ангелам: "Я поставлю на земле наместника". Они спросили: "Поставишь ли Ты на земле того, кто будет грешить и проливать кровь, тогда как мы прославляем Тебя хвалой и святим Тебя?" Аллах ответил: "Воистину, Я ведаю о том, что вам неведомо".

Коран. Сура 2 аят 30

Эпизод 4

Солнце на безоблачном небе находилось в зените. Сегодня оно светило столь ярко, что можно, даже не приглядываясь, различить силуэты городских небоскрёбов, обычно скрытых хитроумными устройствами, беспрепятственно пропускавшими солнечный свет сквозь здания, но не показывающими, что творится внутри. Сделано это не по прихоти архитекторов, а для того, чтобы на улицах не царила вечная полутьма из-за полуторакилометровых башен, составлявших большую часть городской застройки. Говорят, что людей, летавших на звездолётах старых моделей и вернувшихся на Землю спустя многие десятилетия после старта, больше всего поражал в новом для них мире именно внешний вид городов двадцать пятого столетия. Что же, удивляться и правда стоило. Современные города стали местом сосредоточения девяноста девяти процентов из тридцатимиллиардного населения планеты, они превратились в огромные человеческие муравейники – но при этом настолько благоустроенные и продуманные, что перенаселённость совершенно не ощущалась. Число поселений стало меньшим, чем в предыдущие века, росли они не в ширину, а в высоту, и, если речь шла об обеспечивающей жизнедеятельность инфраструктуре, под землю. Исторические центры с их старинными зданиями всегда окружал целый лес современных

небоскрёбов, устремившихся шпилями в заоблачные высоты. На разных уровнях между ними были перекинуты ажурные мосты и подвесные платформы, где расположились аллеи и площади с фонтанами, парки с раскидистыми деревьями, низвергались с одного уровня на другой водопады питьевой воды; не было счёта кафе под открытым воздухом, танцевальным площадкам. Десятки, сотни тысяч лифтов, эскалаторов, самодвижущихся дорожек перемещали толпы людей, в воздухе вились рои роботизированных такси, автобусов, прогулочных платформ. И всегда, и везде днём светило солнце, а ночью городские улицы разукрашивали яркими огнями, и небоскрёбы, сбрасывая дневную маскировку, представляли во всей своей красе, сверкая окнами, декоративной подсветкой и мощными голографическими проекторами от основания до самой верхушки. Градостроителями было сделано всё, чтобы люди, жившие в сотнях метров над землёй, ни в чём не нуждались. Что же, некоторые из них рождались, проживали всю свою жизнь и умирали, так ни разу не ступив ногой на земную твердь; ещё большее количество людей никогда не покидало городов, не считая перемещений между ними да круизов на океанических или космических лайнерах. Благодаря этому со временем природа с помощью экологов вернула себе те территории, которые прежде человек забрал у неё, и за пределами городов вновь расстилались бескрайние леса, равнины, степи, населённые дикими животными.

Дорохов докурил сигару и потушил её в стакане с остатками воды на дне. Мерзкая, отвратительная привычка – курение. Он всегда так думал, да только вот работа у него нервная, и, как человек, не слишком, по собственному мнению, наделённый фантазией, Дорохов не смог придумать никакого иного способа снятия напряжённости, как втягивание в себя табачного дыма. Он был одним из тех людей, что незримо охраняли гуляющих по улицам горожан, поддерживали порядок, улаживали конфликты в их зародыше. Дорохов работал в Комитете охраны правопорядка, одном из структурных подразделений Службы безопасности, фактически же – реорганизованной полиции. И, прослужив в Комитете достаточно долго, он успел понять, что окружающая действительность далеко не так безоблачна, как может показаться на первый взгляд.

Безусловно, произошедшие в предыдущем столетии перемены не прошли даром. Новая научно-техническая революция, основанная на объединении биоинженерии и нанотехнологий, появление двигателей Фукуда-Алькубьерре и комплекс-порталов – всё это сделало доступным массовое использование ресурсов различных звёздных систем. Высочайший уровень автоматизации, применение в промышленности интеллектуальных компьютеров и биоров позволили довести уровень производства благ до такой степени, что стало возможным удовлетворить основные материальные потребности каждого человека и минимизировать товарно-де-

нежные отношения. Это подрубило под корень первопричину большинства преступлений: ограниченность ресурсов при безграничности потребностей. Кражи, воровство, разбой, убийства – их число резко сократилось.

Но нельзя сказать, что для Комитета охраны правопорядка не осталось работы. Во-первых, оставались случаи, связанные с какими-либо психическими расстройствами: попадались kleптоманы, которым в воровстве важен процесс, а не результат; сумасшедшие убийцы, которым духи нашёптывали имена жертв; насильники, люди с комплексами или извращениями. До сих пор иногда в психически нормальных людях просыпалась их звериная натура, и в приступе гнева или ревности они убивали друг друга, калечили. Часто приходилось разбираться с не в меру разгулявшимися обывателями, которых потянуло на «подвиги»: что-нибудь сломать, разбить. Но это всё были остатки старых проблем, и они доставляли куда как меньше хлопот, чем проблемы новые, порождённые современным обществом. Всё больше становилось людей, не желавших нигде работать и искавших исключительно удовольствий. Сам по себе такой образ жизни не являлся преступлением, экономика человечества вполне могла прокормить всех его членов, но проблема не в этом. Часть из таких гедонистов, пресытившись предоставляемыми благами, начинали искать запретные плоды: наркотики, паразитов с других планет, подключавшихся к центру удовольствия, уходили безвозвратно в виртуальную реальность,

устраивали друг с другом игры на выживание с боевым оружием. Возник своеобразный теневой бартерный рынок, на котором обменивались идеями о том, как ещё можно получить удовольствие. Расплачивались друг с другом всем подряд: другими наркотиками, программами виртуальной реальности, местами в круизах, собственным телом – всем, что могло прийти в голову и на что имелся спрос.

Существовали организации экстремистского толка: религиозные, как «Шестой день», саботировавшая «богохульное» производство биоров; политические, скажем, тот же «Независимый Марс»; «Новые Луддиты» призывавшее полностью отказаться от техники и разрушавшая её, и многие другие. Учитывая, что штат сотрудников Комитета Охраны Правопорядка был относительно невелик, приходилось работать не покладая рук.

«Гена, внимание, цель замечена. Ориентировочное время подхода – пятнадцать минут» – раздался в голове Дорохова голос его начальника, Гордона Ростерчера. Это заработал живилённый в ухо передатчик. Дорохов вспомнил, как сначала, когда только начинал службу, иногда с непривычки вздрагивал от внезапно появляющегося словно из ниоткуда голоса, и ухмыльнулся. Да, теперь-то он привык к подобным штучкам.

Вернувшись к порции заливного карпа, Геннадий незаметно ещё раз осмотрелся по сторонам, стараясь примечать детали окружения. Он сидел в летнем кафе, на самом

краю специально отведённой под него платформы, прямо над небольшим парком. Десяток столиков стояли плотно друг к другу, над каждым – зонтик для защиты от солнца. В противоположной от Дорохова стороне платформы стояла барная стойка с универсальным кухонным комбайном, на котором готовилась еда. Звучала музыка – кажется, группа «Лейпциг штрассе», недавно отыгравшая концерт в исторической части города. Посетителей было двадцать два человека, и сидели шестью группами столами – ели, пили, разговаривали. Кто-то смеялся. Двое ожесточённо спорили о монголо-татарском нашествии на Древнюю Русь, стуча руками по столу. Молодая парочка целовалась в углу, не обращая ни на кого внимания. О чём-то шептались три биомода, воспользовавшиеся услугами современной науки для изменения своего внешнего вида – хотя генетически они оставались людьми, теперь в их облике угадывались звериные черты. Самым примечательным был обладатель огромного лисьего хвоста, которым нервно подметал пол.

Моргнув глазом, Дорохов включил дополненную реальность – и мир расцвёл проекциями из информационной сферы. Контуры небоскрёбов прояснились, запестрели баннерами контекстной рекламы и всплывающими гиперссылками на сайты компаний, державших в них офисы. Посмотрев на карпа в тарелке, Геннадий увидел сразу несколько ссылок на Всемирную энциклопедию – о рыбе, блюде, и тарелке, на которой она лежала. Среди сидевших в кафе людей оказалось

несколько «сетевых эксгибиционистов» – вокруг них плавало множество ссылок на их профили в социальных сетях, назойливо всплывали фотографии последнего места отдыха, работы, детей. Большинство имело инфосферные аватары, так что вместо обычных людей в дополненной реальности за столами сидели их альтер-эго – от своих улучшенных версий до исторических персонажей и фантастических существ.

На платформу вели два пути – один по эскалатору снизу, из парка, другой через дверь небоскрёба. Располагались они совсем рядом, и Ростерчер позаботился, чтобы в нужный их перекрыли: за столиком, стоявшим рядом с эскалатором, сидел вооружённый сотрудник Комитета охраны правопорядка в штатском, делающий вид, что пьёт кофе и просматривает на мультибоксе сводку новостей. Бармен тоже был коллегой Геннадия, а под стойкой у него скрывался контейнер с «пауками», небольшими роботами, предназначенными для поимки живых существ или механизмов целыми и невредимыми. Мало того, многие из посетителей парка уровнем ниже также либо работали в КОПе, либо служили в армии; к стенам небоскрёбов прилипли замаскировавшиеся транспорты Комитета и спрутообразные «ловчие», готовые по малейшему сигналу сорваться со своих мест. И всё это – ради поимки одного единственного биора.

Эпизод 2

Дорохов тактично дождался приглашения, и только потом вошёл к Ростерчеру. Кабинет Гордона всем своим видом показывал, что его хозяин был не рядовым комиссаром, а отвечал за работу региональной ячейки Комитета охраны правопорядка. Просторное помещение располагалось на вершине одной из пяти башен старого административного здания, построенного ещё два столетия назад «Земным Синдикатом» – одной из крупнейших корпораций того времени. Несмотря на некоторые перестройки, оно всё ещё сохраняло следы корпоративного стиля.

Закруглённые, без единого угла стены, равно как и сферический потолок кабинета Гордона были прозрачными, но могли фильтровать разные частоты спектра вплоть до полной непроницаемости. По желанию обитателя кабинета они могли покрыться разноцветными узорами или создавать иллюзию открытого пространства – за все трансформации отвечала старая электронная система, установленная ещё строителями здания. Внутреннее пространство помещения напоминало оранжерею. На многоуровневых шпалерах произрастали растения со всех концов света, а в одном углу даже виднелся огромный белый с красными и фиолетовыми прожилками съедобный цветок с Софокла, распространявший в воздухе свой неповторимый аромат. Журчала вода, цир-

кулировавшая по трубам гидропонной системы, встроенные динамики наполняли кабинет звуками природы.

В центре комнаты высоко в воздухе голограмма, изображавшая постоянно меняющиеся фракталы, изредка складывавшиеся в осмысленные силуэты. Прямо под ней стоял огромный круглый деревянный стол, настоящий антиквариат, к которому вела широкая ковровая дорожка. Наверное, примерно за таким столом могли проводить свои собрания рыцари короля Артура. Но сейчас за ним были другие люди: прямо напротив двери, в глубоком кожаном кресле с непомерно высокой спинкой сидел Гордон Ростерчер, грузный, высокий человек, со стороны казавшийся просто гигантом. Округлое лицо с мясистым носом, пшеничные, почти незаметные брови, плотно прижатые уши и полностью лысая, блестящая от мелких капелек пота голова. Громадные, вечно сжатые в пудовые кулаки ручищи лежали на столе. Под мышкой у Гордона в кобуре висел табельный пистолет. Никакой нужды в его постоянном ношении не имелось, но это была часть создаваемого им образа сурового профессионала – такой же, как жилетка с идеально заправленным в карман накрахмаленным платком.

Справа и слева от Ростерчера лицом друг к другу сидело два посетителя. На одном из них красовалась серая армейская униформа с вертикально торчавшим из-под наглухо застегнутого двубортного кителя воротничком рубашки. Судя по погонам и шеврону на рукаве, это был майор, прилетев-

ший аж с Мефисто. Дорохов невольно задумался, что же за дело могло привести его на Землю из такой дали.

Второй носил свободную гражданскую одежду – светлые брюки, рубашка-хамелеон. На голове сидела нелепая панамка. Руки покрывали старческие пятна, лицо избородили глубокие морщины. Однако в его позе, в том, как он сидел на своём месте, виднелись остатки былой силы и твёрдая уверенность в себе. Хотя половина лица человека скрывалась за солнцезащитными очками, его внешность показалась Дорохову знакомой. Моргнув глазом, Геннадий активировал имплантат в хрусталике глаза и вышел в инфосферу. Используя свой привилегированный доступ комиссара он быстро отыскал нужную информацию. Оказалось, в кабинете Ростерчера находился Фридрих Вайс, в недавнем прошлом – одно из первых лиц в вооруженных силах. Несколько лет назад его имя крутилось у всех на устах в связи с чрезвычайными происшествием в отдалённой системе Шат’рэ. Земляне неожиданно для себя столкнулись с высокоразвитой цивилизацией мелькран, и возникшее в ходе первого контакта недопонимание чуть не обернулось межзвёздной войной. Генерал Вайс тогда взял всю вину на себя и ушел в отставку. Это утихомирило общественность, но Дорохов подозревал, что Фридрих добровольно примерил роль козла отпущения, защищая своих подчинённых.

Интересно, что отставной военный делает здесь?

– Садитесь, комиссар – коротко бросил Ростерчер, рукой

указав Геннадию на вырастающее из пола кресло. По хмурому тону своего начальника и серым лицам его гостей Дорохов понял, что случилось что-то очень и очень неприятное. Он торопливо прошел к указанному ему месту и, усевшись поудобней, всем своим видом стал показывать, что готов внимательно выслушать всё, что ему скажут.

– Вот наш лучший сотрудник, старший комиссар Дорохов Геннадий Валентинович, – представил Гордон своего подчинённого. Затем он обратился уже к Дорохову – Комиссар, это майор Нахалетов, а это Фридрих Вайс.

– Генерал, – кивнул головой полицейский, давая понять, что узнал его.

– В отставке, – добавил старик. – Сейчас я просто консультант.

– Гена, выслушай этих людей как можно внимательней, дело действительно очень серьёзное.

– Да, именно так, комиссар, – взял слово отставной генерал, слегка повернув изборожденное морщинами лицо к Дорохову.

Гости Ростерчера говорили попеременно: в основном слышался голос Вайса, но иногда тот кивал майору, и Нахалетов подробно рассказывал о деталях, в которых был более осведомлён, чем старик. Комиссар слушал внимательно, при этом успевая проглядывать глазами проецируемую на сетчатку информацию о генерале и всплывающие инфосферные гиперссылки на термины, которыми периодически

пользовались военные. Обработать поток данные ему помогали мозговые имплантаты – вещь нынче вышедшая из моды но всё ещё незаменимая для людей, чья профессия не всегда даёт возможность подключиться к вычислительным мощностям интеллектуальных компьютеров.

О том, что впереди ждёт много головной боли, Геннадий догадался уже после того, как выудил дополнительную информацию об отставном генерале. Вайс до происхождения на Шат'рэ был значительной фигурой не только в армии, но и почти наравне с маршалом представляя военных в Мировом Совете. Хотя многие детали досье оказались закрыты даже для комиссара с его уровнем допуска, удалось понять, что Фридрих последние пятьдесят лет занимался «угрозами неопределённого генезиса». Уже это порождало нехорошее предчувствие. Но дальше всё стало только серьёзней.

Строго говоря, в начале двадцать пятого века дел у армии почти не осталось. Человечество не воевало больше ста лет и на горизонте не виделось причин, способных в корне изменить ситуацию. «Звёздных войн», которые начали мерещиться людям даже раньше, чем в космос запустили первый искусственный спутник, вести оказалось не с кем: все цивилизации, с которыми имело дело человечество, либо не могли обнаружить землян из-за разного уровня технологий, либо давно прекратили своё существование, оставив после себя лишь причудливые руины. Даже появление мелькран принципиально не изменило ситуацию: всё разрешилось ми-

ром, и большинство населения Обитаемых миров считало, что и конфликт и вовсе не возник бы, не спровоцируй его военные.

И всё же в галактике существовали места, где грубая сила спасала жизни. Например, Мефисто – мир, от полюса до полюса покрытый бесконечными жаркими джунглями, которые постоянно росли, перемещались, двигались, отчего с высоты птичьего полёта казалось, что поверхность планеты словно кипит. Сказать, что биосфера планеты была агрессивной, значит сильно преуменьшить действительность. Всё в кошмарных джунглях стремилось сожрать, уничтожить друг друга, местные пищевые цепочки сводили учёных с ума. Опасность представляло всё – от микроскопических грибов, колонии которых буквально разъедали за сутки что угодно, до стотонных аморфных «амёб», переваривавших любую органику, на которую наваливалась их туша. Местные растения были столь же симпатичны: стоило близко подойти к мирно висевшей лиане, как та хватала тебя, опутывала и начинала прорастать в тело усиками, стремясь выкачать из организма все соки. Деревья могли внезапно сорваться с места, прыгнуть на человека сверху, и, придавив всем весом, начинали всасывать, что осталось.

Люди ни за что не стали бы спускаться на поверхность Мефисто, не найди на ней следы пребывания сразу пяти древних высокоразвитых цивилизаций, с тремя из которых ранее сталкиваться не приходилось. Для учёных это оказал-

ся настоящий подарок – словно ребёнка запустили в магазин игрушек и разрешили делать всё, что хочется. Поэтому, несмотря на риски, здесь начали проводить исследования – под охраной военных, для которых Мефисто стала настоящей зоной боевых действий. Местная флора и фауна периодически пыталась сожрать людей и регулярно ломала технику, земляне отвечали ей излучателями и плазмой, рвали на части гравитационными пушками, жгли кислотами, натравливали нанороботов. А та снова присматривалась к исследователям, через два-три часа с новой силой разрастаясь там, куда упала бомба с какой-нибудь смертоносной начинкой или полоснул луч с орбитального спутника. Несколько построенных на планете аванпостов выглядели как осаждённые крепости, отгородившиеся от джунглей полосой выжженной земли, оцетинившихся стволами турелей.

И всё же, несмотря на все принимаемые меры, без несчастных случаев не обходилось. Не проходило и года, чтобы кто-нибудь не погиб. Несколько раз экспедицию хотели даже свернуть – но учёные посчитали, что риск вполне оправдан, изучение инопланетных цивилизаций и причин, приведших их в это жуткое место, того стоит. Поэтому военные гарнизоны размещались здесь на постоянной основе.

Около полугода назад майору Нахалетову, обеспечивавшему безопасность одного из аванпостов пришлось срочно организовывать экспедицию для спасения нескольких учёных, застрявших посреди джунглей в «Броненосце» – транс-

порте высшей степени защиты. Операция оказалась проведена довольно успешно: из людей лишь один получил ранение, потери техники составили два пентадроида и биора. В скором времени в систему Мефисто должен был прийти грузовой корабль, на борту которого находилась новая партия машин, так что особого повода для переживаний не было.

Грузовик пристыковался к станции, связанной орбитальным лифтом с центральной исследовательской базой на поверхности планеты. Разгрузили транспорт безо всяких проблем, каждый «форт» землян получил груз в положенном объёме и сроки. В обратном направлении на борт ФА-звездолёта доставляли извлечённые из земли артефакты, разбитую технику, которую удалось вытащить из джунглей, и прочих мусор. Вопрос о строительстве на орбите Мефисто автоматизированной нанофабрики был уже решен, но пока она не заработала всё вторсырьё отправляли на переработку на заводы Обитаемых миров. Произошла пересменка: домой уезжали сдавшие вахту исследователи и военные, а также несколько человек, решивших, что им до конца дней хватило пребывания в смертельно опасных джунглях. Погибших, к счастью, в этот раз не было, из тяжелораненных в криостазис погрузить пришлось лишь одного военного. Их места заняли новые специалисты. Всё это происходило столько раз, что уже успело превратиться в ритуал, включавший торжественную встречу и прощальный ужин.

Тревогу забили позже, когда подполковнику Ершовой, ко-

мандовавшей армейскими частями на Мефисто, захотелось провести внеочередную ревизию складов и техники. Тут-то выяснилось, что не хватает биора номер БЕС167, одного из тех, что был привлечён к проведённой Нахалетовым операции. Мало того, исчезло его личное оружие с несколькими запасными питательными элементами к нему. Дважды проведённая перепроверка не дала никаких результатов, попытки разыскать следы пропавшего на планете или орбитальной станции также обернулись фиаско. В конце концов оказались исключены все варианты кроме одного: биор «зайцем» улетел на ФА-звездолёте, прихватив с собой оружие.

Причина такого поведения биоробота была неясна, но оно так контрастировало с тем, что ожидали от биоров, что теперь казалось возможным любое развитие событий. В том числе самое худшее. Что, если у БЕС167 из-за небольшого повреждения, не замеченного ранее, произошёл сбой в программном обеспечении и он стал воспринимать всех окружающих в качестве врагов? Тогда на Землю летит профессиональный вооруженный убийца, участвовавший не в одной схватке с чудищами Мефисто, убийца, чьи рефлексy превосходят любого человека! Что он мог натворить в мирных городах любой из планет, населённых людьми, было страшно представить.

Установить связь с транспортом, включившим ФА-привод, не было никакой возможности, так что о происходящем пришлось докладывать напрямиком в армейский штаб

на Земле по каналу квантовой связи. Маршалом Вооружённых сил было принято решение информировать верховный триумvirат Комитета охраны правопорядка, но настоять на проведении перехвата беглеца силами военных. Нахалетова срочно вызвали в метрополию как человека, работавшего с беглым роботом. Для того, чтобы доставить его на Землю, пришлось отвлекать от службы патрульный корабль. Фридрих Вайс добровольно предложил своё посредничество – несмотря на отставку, он часто выступал в роли консультанта.

Армия стала готовиться к поимке беглеца. Когда грузовик отключил ФА-привод и стал двигаться на обычных маршевых двигателях, к нему тут же пристроился патрульный крейсер, затребовавший немедленной остановки. Командир экипажа грузовика весьма удивился такой радушной встрече, но, пожав плечами, подчинился и начал торможение. На борт корабля выслали несколько шлюпов со штурмовыми группами. Несмотря на то, что в течение следующих шести часов они обыскивали каждый уголок звездолёта, беглеца так и не удалось обнаружить. Как он мог спрятаться на корабле таким образом, чтобы, несмотря на все предпринятые меры, его не нашли, никто до сих пор не мог понять. Это был явный и позорный провал.

Спустя несколько недель после прибытия транспортного корабля в Солнечную Систему биор снова дал о себе знать. Поступило сообщение из Нижегородского космопорта: ра-

ботники грузового терминала заметили, как робот, всё ещё одетый в бронескафандр, со свёртком под мышкой вылезал из грузового отделения челнока, доставившего на Землю синтетическое волокно с заводов вторичной переработки сырья в поясе Койпера. На приказ остановиться он никак не отреагировал. Когда же попытались задержать силком, обездвигил натравленный на него автоматический погрузчик и разметал двух биоров. Последних он, правда, не повредил, а только отшвырнул подальше, от подоспевших людей и вовсе сбежал в подземные коммуникации порта.

Информация о происшествии достигла военных слишком поздно, и попытка перехвата ожидаемо не дала результатов. Единственным, что нашли в подземельях космопорта, стал аккуратно сложенный за трубопроводом бронескафандр. Была проведена проверка всех межпланетных и междугородних рейсов, отправленных или отправляющихся из Нижнего Новгорода, на станциях и вокзалах активировали камеры наблюдения и сканирующие устройства, а за городскими окраинами установили тщательное наблюдение со спутников. Только когда у военных появилась уверенность в том, что беглец не мог просочиться сквозь оцепление, они немного успокоились и приступили к методичным поискам.

– И вот тут-то у нас и возникли проблемы, – покачал головой Вайс. – Дело в том, что у армии в городе слишком мало сил для проведения полномасштабных розыскных мероприятий.

– ...И опыта, – вставил Нахалетов, но тут же замолк, видимо, подумав, что сболтнул лишнего. Впрочем, отставной генерал, услышав его реплику, только тяжело стукнул пальцами по столешнице и сказал:

– Да, опыта тоже у нас мало. Не наш профиль, как ни крути. Биору удалось раствориться в толпе, и как найти его в многомиллионном городе ни я, ни мои бывшие коллеги не знаем. В сыске армия уступает Комитету охраны правопорядка по всем статьям. Нахалетов знает БЕС167 лучше прочих, но и он тут бессилен.

– Я привык иметь дело с флорой и фауной. Агрессивной, смертельно опасной, но всё же не обладающая человеческим разумом – или хотя бы псевдоинтеллектом биора. А потому весьма предсказуемой. Грубо говоря, ты всегда знаешь, что, если положить голодному крокодилу голову в пасть, он её откусит, а потому от тебя требуется лишь не подходить к его голове. У вас, комиссар, работа посложнее, она требует умения предсказать поведение совершенно незнакомого вам человека. Или биоробота. Вы к этому привыкли, а мы – нет. Потому мы никак не можем выйти на след машины с тех пор, как упустили её в космопорте. Хотя и собрали кое-какие данные, сделали умозаключения.

Майор, почти улегшись на стол грудью, протянул Дорохову серебристый цилиндр – носитель, защищённый от взлома через инфосеть. Такие использовались для хранения засекреченных данных. Комиссар не без интереса сжал его в

руке и стал смотреть на появившиеся перед ним в воздухе буквы текста – набросанные кем-то из команды Нахалетова результаты логического анализа.

Меж тем слово снова взял отставной генерал. Он периодически постукивал по столу подушечками пальцев с видом учителя фортепиано, который показывает ученику, как надо играть. Геннадий, привыкший подмечать подобные нюансы в поведении людей, пришел к выводу, что прозвучавшее недавно признание в бессилии военных было рассчитанным ходом. Вайс и Нахалетов хотели потешить самолюбие сотрудников КОПа, в особенности Ростерчера.

– Мы считаем, – говорил Фридрих, – БЕС167 останется в пределах города пока не почувствует, что его основательно прижали со всех сторон. Тот факт, что биор сознательно оставил свой бронескафандр, показывает его желание скрыться среди толпы. Спрятаться в пятнадцатимиллионном Нижнем Новгороде не намного сложнее, чем, в более крупном мегаполисе, так что попытка сбежать отсюда не логична, и вряд ли её можно ожидать от машины. Во всяком случае, раньше биор не пытался это сделать. Остаётся одно: найти, где он прячется, и схватить. Вот мы и хотим привлечь к этому делу настоящих профессионалов, то есть вас, комиссар. Вы согласны?

– Конечно согласен, – ответил за Дорохова Ростерчер, откинувшись в своём кресле и сложив огромные руки в замок. – Так ведь, комиссар?

Гордон улыбнулся. Отличный руководитель и неплохой человек, но он всегда всё решал за своих подчинённых. Это не слишком нравилось Дорохову.

– Конечно, шеф, – улыбнулся тот в ответ. Сейчас он оказался доволен решением своего начальника.

Эпизод 5

«Лейпциг Штрассе» на записи сменились «Полётом Валькирии» Вагнера, причём, странное дело, в оригинальном варианте. Карп Дорохова уже был наполовину съеден, подставной бармен с постной миной в который раз обводил взглядом посетителей, поддерживая рукой голову, а спор посетителей о монголо-татарском нашествии дошёл до стадии перехода спорщиков на личности.

В этот момент в голове комиссара вновь раздался голос Гордона: «Всем внимание, ребята, операция начинается». Дорохов заметил, как встрепенулся бармен. «Вот болван», – подумал комиссар. – «Сразу видно, что в первый раз поставили в облаву. Вертится от волнения, как уж на сковородке. Брал бы пример с Михалыча. Сидит преспокойненько, новости читает, не дёргается. Одно слово – профессионал».

«Значит так, действуем строго по плану, никакой самостоятельности, всё должно пройти без сучка и задоринки. Вокруг полно людей, нам не нужны ни жертвы, ни лишнее внимание. Пусть всё пройдёт так, словно мы задерживаем рядового преступника», – продолжал говорить Ростерчер. – «Гена, ты за первую скрипку. Ведёшь стандартный торг, всё как обычно. Если получится, постарайся выяснить в разговоре, с кем он связался, может, накроём, ещё одну банду. Но особо не усердствуй, биор в приоритете. Захват начинаем только

по моему сигналу, до него всем сидеть тихо – это касается в первую очередь военных. Повторяю для особо одарённых: лучше вообще не дышите. Нахалетов передал мне все полномочия, кто не поверит и решит выпендриться в одиночку – лично потом морду набью, чтоб мне провалиться! Всё, Гена, принимай гостя... Ллойд, чтоб тебя, ты же просто бармен! Успокойся и работай, работай! Протирай хотя бы кружки!»

«Нервничает, старина», – подумал Дорохов о Гордоне. Ещё бы: за прошедшие полтора с лишним года было слишком много провалов, причём в моменты, когда успех казался неминуем. Биор раз за разом сбегал прямо из-под носа. Такое любого может довести до белого каления.

Двери, ведущие из небоскрёба на платформу кафе, открылись, и из них вышел модно одетый молодой человек с еле заметным шрамом на шее – от уха до уха, как будто кто-то отчаянно пытался перерезать ему горло тупым предметом, да так и ничего не смог сделать. Короткие волосы были выкрашены в яркие цвета, образующие на голове затейливый орнамент, на худощавом лице словно приклеена странная улыбка, которая то ли не предвещала ничего хорошего, то ли наоборот сулила райские кущи. Из-под короткого ассиметричного пиджака торчала просторная рубаха с огромным воротником и двумя расстёгнутыми верхними пуговицами, незатянутый однотонный галстук болтался из стороны в сторону, чёрные блестящие ботинки отражали в себе весь окружающий мир. Включив дополненную реальность, Доро-

хов увидел инфосферный аватар биора – закованный в броню рыцарь с неправдоподобно большим клинком.

Да уж, БЕС167 был менее всего похож на собственное изображение времён службы на Мефисто. Здесь, на Земле, он – франт, стилига, модник. Там – стандартный армейский биор: внешность, как у всех собратьев, форменный комбинезон с нашитыми на него шеvronами и личным номером. Серость, клон, единица одной генеральной совокупности, щепка, что летят, когда рубят лес. За полтора года произошли изменения, сравнимые с эволюцией питекантропа в современного человека.

«Вот он, голубчик», – раздался злорадный голос Ростерчера. Перед Дороховым так и стояла картина: Гордон, сидя у себя в штабе управления операцией, с помощью рассеянных в воздухе карпускулоидов наблюдает за всем происходящим и, скалясь, потирает друг о друга свои огромные ручищи.

БЕС167, остановившись неподалёку от двери, через которую вошёл, огляделся по сторонам то ли для вида, то ли и вправду ища Геннадия. Дорохов, поспешно закинув в рот последний кусочек карпа, проглотил его, даже толком не пережевав, вытер губы, а затем и пальцы салфеткой, аккуратно смял её двумя руками и столь же аккуратно уложил получившийся комок на краю тарелки. После этого он достал из кармана ещё одну сигару и, не спеша, прикурил от старинной зажигалки. Заметив этот обговорённый заранее условный сигнал, биор приветливо махнул рукой и зашагал к сто-

лику, за которым сидел комиссар. Подойдя к нему, он протянул для рукопожатия свою аккуратную, точёную руку.

– Добрый день, – улыбнулся БЕС167.

– Действительно, добрый. Чудесная погода, не находите? – Геннадий кивнул на небо.

– О да, просто замечательная! Вот за что я люблю лето, так это за такие чудесные деньки, – ещё шире заулыбался робот. Его рука так и была вытянута над столом.

Выпустив клубы дыма, Дорохов приподнялся со стула и, наконец, пожал протянутую ему ладонь. Рукопожатие биора оказалось довольно крепким, хотя и не крепче, чем у самого комиссара – видимо, робот уже приспособился и к тому, с какой силой надо приветствовать людей.

– Франсуа Жюно, – назвался Геннадий.

– Чарльз Гордон Грант, – представился в ответ БЕС167. – Можем мы теперь сесть?

– О, конечно, только, пожалуйста, подождите одну минуту, – ответил улыбкой на улыбку Жюно-Дорохов. Не выпуская из зубов сигару, он торопливо собрал в кучу всю посуду, из которой ел, и поставил на край стола в зону. Очень скоро за ней прикатился на колёсах шустрый ведрообразный робот-уборщик и, быстро составив всё внутри себя, скрылся под барной стойкой. – Ну вот, теперь можно и сесть. А Вы Чарльз, пришли точно в назначенное время – минута в минуту. Люблю в людях пунктуальность.

– Да уж, в наше время это не слишком распространённое

качество, – кивнул головой биор. Он сел прямо напротив Дорохова, спиной ко всем посетителям летнего кафе: наиболее удобная позиция, чтобы схватить его. Устроившись поудобней, он довольно хмыкнул и произнёс на выдохе: – По-моему, место пунктуальности осталось только в армии.

– А вы разве служили в войсках? – сделал удивлённое лицо Геннадий.

«Дорохов, ты чего творишь, чтоб тебя?», – раздался в голове гневный голос Ростерчера. – «Ты с ума, что ли сошёл? Что это за провокационные вопросы? Я приказываю тебе немедленно прекратить это безобразие! Ещё не хватало спугнуть его!»

– Я? Ээ... – замялся биор, однако вскоре беспечно рассмеялся: – да нет, конечно же нет, не служил. Знаете, провести невесть сколько лет где-нибудь на отшибе исследованной части Галактики, отстреливая всё, что движется не в том направлении – весьма скучное занятие, оно никак не подходит для меня. Жизнь, Франсуа, слишком хороша, чтобы растрачивать её бесценные моменты на занятия подобного рода. Так что я и армия – это два несовместимых понятия. Что не отменяет факта: армия осталась прибежищем порядка, точности, особенно на фоне остальной массы людей. Но, повторяю, это всего лишь моё мнение, ничего больше.

– Вы не против, что я курю? – спросил комиссар. Достав из кармана сигару, он протянул её роботу – Может, сами хотите? Отличный кубинский табак.

– Нет, спасибо, – покачал головой биор. Геннадий всё больше удивлялся тому, насколько точно он подражает человеческим повадкам. – Пробовал, да бросил. Мерзкая привычка, глупая.

– Ну, заставлять не буду, ваше дело, – комиссар вернул сигару на место, а затем, параллельно выпуская изо рта сизые клубы дыма, проговорил: – Кстати, о деле: вы принесли?

– Да, конечно, – БЕС167 понизил голос и придвинулся поближе к своему собеседнику. Засунув руку во внутренний карман пиджака, он извлёк оттуда что-то и протянул Дорохову. Тот, взяв из рук биора принесённую им вещь, спрятал руку под стол и уже там разжал несколько пальцев. В руке оказалась небольшая двухцветная пилюля с полупрозрачной оболочкой: красная с одной стороны и синяя с другой. В каждой половинке таблетки находились разные вещества.

– Отменная вещица, двойного действия, – говорил биоробот. – Одна половинка содержит в себе синтетический вирус – не особо опасный, но нанитам в организме работу задаст. В другой – наркотик. Пока наниты борются с вирусами, их восприимчивость к менее опасным субстанциям, вроде нашего галлюциногена, падает, и ему даётся зелёный свет. Наркотик быстро всасывается в кровь и переносится в мозг, после чего каждому обеспечено полчаса отменных видений. Словно паришь над землёй, будто тебе открываются высшие материи. Образы, краски, звуки – всё меняется.

– Расширение сознания, – хмыкнул Дорохов. – Слышали

мы про такое. Только вот, господин Грант, есть у меня некоторые сомнения... Я не первый год в теме, и знаю, что для преодоления сопротивления нанитов одного вируса мало – нужны либо специальные препараты, либо весьма действенный коктейль из мощных химических реагентов. Вы же обещаете мне чудо по расхожей цене. Попахивает мошенничеством.

– Вирус вирусу рознь, – улыбнулся биор. – Слышали о такой планете, как Мефисто? В её джунглях много интересных микроорганизмов, используя которые в качестве основу можно создать весьма устойчивые штаммы.

– Уж не хотите ли вы сказать... – на этот раз искренне удивился комиссар.

– Я вижу, мы с вами прекрасно понимаем друг друга, – БЕС167 продолжал расплываться в улыбке.

«Вот это новость. Молодец, Гена, вывел на чистую воду», – зазвучал довольный голос Гордона Ростерчера. – «Видимо он, когда бежал, прихватил образцы микроорганизмов Мефисто, а местные предприимчивые ребята смекнули, как их можно использовать в своих интересах. Для разведения этой гадости нужно создать специальные условия, требуется особое оборудование, которое просто так не достанешь, и выследить тех, кто им пользуется, будет просто. Так что теперь-то мы прищучим засранцев, повадившихся торговать этой заразой, чтоб их всех... Продолжай в том же духе!»

– Ну а вы, Франсуа, принесли то, о чём договаривались?

– Конечно, – кивнул комиссар, доставая из-под стола чемоданчик. Разместив его у себя на коленях, Дорохов немного покопался в его содержимом, и извлёк оттуда небольшой свёрток. – Это демо-версия, но общее содержание и глубину погружения можно ощутить в полной мере. Ощущения – за-предельные, все чувства многократно обострены, с реальностью и не сравниться. Парень, написавший это, настоящий гений, мастер своего дела безо всяких преувеличений, у него в клиентах числится много уважаемых людей... Да не бойтесь, не бойтесь, – улыбнулся Геннадий видя, что биор спокойно оглядывается по сторонам, – здесь ни кому ни до кого нет никакого дела, а если бы и было, то никто не догадается: внешних реакций от использования демо-версии почти не будет. Попробуйте.

Робот немного нерешительно взял свёрток и торопливо притянул поближе к себе. Заслонившись спиной ото всех, он аккуратно развернул его и извлёк квадратную плоскую коробочку – «крюк». Почему он так назывался, никто уже не мог сказать. Это было старое изобретение, появившееся давным-давно и с тех пор постоянно совершенствующееся. «Крюк» прижимали к телу, и он впивался миллионами микроскопических ворсинок, безболезненно проходившими сквозь кожу и соединявшимися с нервной системой человека, а затем через неё посылал в мозг, согласно заранее заложенной программе, электрические импульсы, заставлявшие переживать самые разнообразные чувства, в том чис-

ле и те, которых от природы не было. В прошлом это было распространённое средство для лечения психических заболеваний или хороший способ скоротать время в долгом космическом перелёте. Беда в том, что сегодня люди, особенно те, кто жил ради развлечений, в поисках новых ощущений создавали невиданные программы для «кроков», задавая слишком высокую интенсивность переживаемых чувств. Далеко не каждый организм мог перенести подобное, нервная система у многих просто «перегорала», превращая здоровых людей в растения. Именно поэтому нелегальное распространение «кроков» находилось под строжайшим запретом, а борьба с торговцами и подпольными изготовителями квадратных коробочек была головной болью для Комитета охраны правопорядка.

БЕС167 засунул «крок» под рубашку и приложил к груди.

«Отлично, Гена, ты просто молодец», – довольно произнёс Гордон, – «как только программа подействует, начнём операцию».

«Да», – подумал Дорохов, – «как только...».

Эпизод 3

– Ген, почему ты ничего не ешь?

– Как это не ем? Ем, и ещё как ем, – спохватился Дорохов и запихнул себе в рот кусочек бифштекса, тут же принявшись тщательно его пережёвывать. – Вот видишь?

– Нет, – нахмурилась Ната. – И не надо пытаться меня провести – я тебя всего насквозь вижу, как облупленного. Я же не потратила время зря, решив самостоятельно приготовить для тебя, а не воспользоваться линией доставки?

– Нет, конечно же, – перебил недовольную тираду комиссар, – и я очень тебе благодарен за всё это: за приглашение к себе, за ужин, свечи. Всё просто замечательно. Я просто стал немного рассеян, лезут мысли всякие... Измотался я весь за последние четыре месяца. Стал засыпать плохо, к сигарам этим опять пристрастился, будь они не ладны.

– Это всё из-за того дела, которым ты занимаешься?

Геннадий молча кивнул.

– Ген, хочешь поговорить об этом? Может, я тебе что подскажу, всё-таки биоры – это по моей части.

Дорохов отложил в сторону вилку и с любовью посмотрел на сидевшую напротив него женщину. Познакомился он с Натальей, или просто Натой, как называли её все друзья, два года назад, случайно столкнувшись с ней в просторном холле театра. Несмотря на свою молодость, она к тому вре-

мени уже была видным кибернетиком, работала в Нижегородском робототехническом университете и писала докторскую по проблеме методов программирования биоров. Около месяца назад Ростерчер включил её в команду научных консультантов, которую Комитет решил собрать после ряда неудач. Так что женщина была в курсе происходящего.

– Ну, если ты действительно этого хочешь, то давай, поговорим.

– Я и правда этого хочу, – утвердительно кивнула она. – Расскажи, что тебя беспокоит?

– Меня беспокоит буквально всё в этом деле о проклятом беглом биоре. Единственное, чего нам удалось добиться за всё это время, так это выяснить, что БЕС167 не пойдёт на убийство не то что человека, но даже себе подобного. Правда, с машинами попроще он не особо церемонится, – хмыкнул комиссар, вспоминая одну из попыток задержания беглеца. Биор тогда меткими выстрелами из раздобытого где-то пистолета обездвигил несколько агравитов да вывел из строя пентадроида, участвовавшего в облаве. – Больше мы так ничего и не смогли добиться. Все засады, все ловушки, которые мы устраиваем, он разгадывает с какой-то непонятной ни для кого лёгкостью, любая предпринятая нами операции проваливается. Да что там говорить: даже выследить этого проклятого биора с каждым разом становится всё проблематичнее. Он постоянно опережает нас на полшага, всё, что нам остаётся – это осматривать следы его деятельности.

Ни у нас в Комитете, ни в среде военных никто не может понять логику, которой руководствуется биор. Сначала он прятался в подземных коммуникациях – ну это ещё ладно, это можно понять. Но затем он попытался вырваться из города – представляешь? Ведь это совершенно иррациональный поступок, глупый, нелогичный: он должен был догадываться, что все пути прослеживаются, что в Нижнем Новгороде можно так же удачно спрятаться, как и в любом другом месте на Земле. Но нет, БЕС167 попытался сбежать, и, напорвшись на засаду, буквально чудом вырвался из наших рук. Я бы ещё понял, окажись на месте биора человек – он может быть напуган преследованием, его разум может застать паника. Но бесчувственный искусственный интеллект, чистое воплощение логики? Почему он так поступил? Непонятно.

Или вот. Беглец изменил свою внешность: поменял где-то лицо, нарастил волосы. Допустим, логика очевидна – со стандартным лицом биора далеко не уйдёшь. Но зачем делать молодёжную стрижку и красить волосы в разные цвета, да ещё по индивидуальному рисунку? Не глупо ли? Дальше – больше. Как, ты думаешь, мы вновь набрали на его след после того, как упустили его на выходе из города? Наверняка, ты предполагаешь, что была проведена огромная работа с вычислениями вероятных ходов его поведения и так деле? И все так думают. Но, Ната, по секрету скажу тебе, что всё это – чушь полная. Мы сознательно – слышишь, сознательно! – делаем вид, что так оно и было, потому что никто не хочет

признаваться: мы потеряли биора, безнадёжно сбились с его следа. Это же позор на голову всего КОП! Мы понятия не имели, где он и что с ним – не имелось ни единой зацепки. Думали, что надо искать его за пределами континента или, чего доброго, Земли – и безуспешно искали!

А нашёл он нас. Оказывается, чтобы скрыться, он связался с группой людей, писавших подпольные программы для «кроков». Производство у них было поставлено хорошо, конспирация – ещё лучше. С их помощью биор словно исчез с лица Земли. Самое интересное, что, как теперь известно, через некоторое время БЕС167 послал к нам в Комитет анонимку, полностью, со всеми потрохами разоблачавшую спрятавшую его группировку. Тогда мы ещё не знали, что послание пришло от робота, но приняли его к сведению, установили наблюдение и, как только получили подтверждение правдивости написанного в анонимке, накрыли всю шайку. И только потом узнали, что биор был среди них и исчез всего за день до облавы. Опять нелогичный поступок! Разве не кажется странным такое поведение робота? Он мог продолжать укрываться у приютивших его бездельников и дальше, не выдавая ничем своё присутствие. однако же нет. БЕС167 вновь пустился в бега, да ещё при этом навёл нас на свой след. Почему?

– Ну, этому можно найти объяснение, – Ната сложила ладони вместе и направила кончики пальцев на собеседника, как делала всегда, когда начинала рассуждать по хорошо зна-

комому ей вопросу. – В первую очередь стоит помнить, что эта ваша боевая единица сто шестьдесят седьмой серии создавалась для защиты людей. Эта установка является неотъемлемой частью искусственной личности андроида, и, даже если у него есть большие программные сбои, то она пострадала в последнюю очередь. Как ты сказал, БЕС167 не стал убийцей, несмотря на все ваши опасения. Если так, то, вполне возможно, столкнувшись с нелегальным «кроком» и осознав, какую опасность он может представлять для людей, биор решил защитить их от производителей этих изделий, и в качестве варианта такой защиты выбрал выведение вас на след подпольщиков.

– Ната, но почему же из всех возможных способов он выбрал именно такой, зная, что Служба Безопасности разыскивает его? Не легче ли разнести оборудование, на котором производится эта зараза? Ведь с его способностями справиться с несколькими нетренированными людьми и устроить погром в лаборатории – легче простого. При особой быстроте действий и ловкости, он даже не задел бы никого из преступников. Чем, спрашивается, такой вариант противоречит установке по защите людей?

Ната задумалась.

– В принципе, – промолвила она, убирая с лица волосы, – никак не противоречит. Теоретически, биор может даже решить, что для обеспечения безопасности человека необходимо связать его по рукам и ногам, чтобы он никаким дей-

ствием не смог причинить себе вред. Конечно, вероятность, что случится нечто подобное, ничтожно мала, но как кибернетик, могу допустить, что с БЕС167 случился именно такой конфуз. Когда по той или иной причине происходит сбой в искусственном интеллекте, то он стремится справиться с ним самостоятельно, вернуться в состояние равновесия, максимально близкого к исходному. Правда, без посторонней помощи получается это чаще у искусственных интеллектов более сложных, чем биоры, способных самостоятельно писать программы – например, у интелкомов. Сознание же андроидов куда ближе к нашему, поскольку они созданы как аналог людей для выполнения человеческой работы в условиях, опасных для жизни. Мы их даже скорее выращиваем, чем собираем. В мозг андроида заложены высокие способности к адаптации, он способен формировать новые синаптические связи и меняться достаточно непредсказуемо. Фактически, нет двух абсолютно одинаковых биоров. Некоторые из них могут натуральным образом сходить с ума в попытке привести себя в нормальное состояние. Искажается мотивация действий, восприятие причинно-следственных связей. Все базовые установки, правила и законы, вложенные в электронный мозг, останутся неприкосновенными, но интерпретация их поменяется коренным образом.

Дорохов задумчиво уставился на колеблющееся пламя свечи, и бессознательно пересчитывал кончиком языка верхние зубы. Просидев так некоторое время, он ухмыльнулся,

покачал головой и с улыбкой начал говорить:

– Наверное, ты права. Всё это так похоже на правду – то, что ты говоришь. Уж во всяком случае, звучит куда правдивее, чем тот бред, что я вообразил себе.

Ната с интересом прищурилась:

– Когда ты говоришь подобным образом, то я понимаю, что у тебя и правда на уме что-нибудь эдакое... Ну, давай, выкладывай.

– Н-нет, пожалуй, не стоит, – поёрзал на стуле комиссар. – Глупость несусветная, честное слово.

Наташа недовольно поморщилась.

– Хватит тебе, Ген. К чему это твоя нерешительность? Не люблю, когда ты сначала говоришь «А», но потом не производишь «Б». Уж договаривай до конца, коли начал.

– Ладно... Только, прошу тебя, не иронизируй слишком сильно – всё-таки не силён я в этой вашей кибернетике.

– Хорошо, не буду.

– Точно не будешь?

– Честно-честно не буду.

– Ну, смотри, – ухмыльнулся комиссар. – С чего бы начать? Ладно, прямо с главного. В общем, я начал думать, что у биора появился разум. Не искусственный интеллект, а именно разум, на подобии человеческого... Ну вот, ты же обещала без иронии! А, знаешь, иронизируй, сколько хочешь. Но в том, как он себя ведёт, есть нечто большее, чем просто последствия попытки справиться с какими-то повре-

ждениями. В действиях биора прослеживается нестандартность мышления, иррациональность, свойственная людям. Он часто поступает словно по наитию, так, что невозможно отследить логику его поступков, общую схему.

– Я говорила, что любой биор способен к самообучению.

– Знаю. Как и то, что армейские модификации в этом отношении наиболее продвинутые – необходимость быстро адаптироваться критически важна в их работе. И ещё я выяснил, что БЕС167 весьма стар для армейского биора. Он умудрился пробить в строю, оставаясь в самом пекле целых двадцать лет. Майор Нахалетов сказал, что это грандиозное достижение, учитывая, что на Мефисто срок работы биоров составляет в среднем три года до того, как они попадают на зуб какой-нибудь твари.

– Допустим, – кивнула головой девушка-кибернетик. – Но я никак не могу взять в толк, что ты хочешь этим сказать?

– Сейчас всё объясню. Идея моя покажется странной, может быть, даже бредовой, но всё же... Для начала я хочу привести тебе один пример, касающийся человека. Не секрет, что на протяжении всей своей жизни он накапливает всё больше и больше опыта, пополняя багаж знаний. Интеллектуальные способности за это время не изменятся, но, пользуясь тем, что человек узнал за всё время, можно добиться немалых результатов. Ребёнок, пусть даже вундеркинд, не сможет сравниться в плане житейского опыта со своим дедом, человеком, может быть даже не очень далёким, по-

сколькy ребёнку необходимо время на обучение. Учёные и философы пишут свои лучшие работы в основном на старости лет, в тот момент, когда у них накопилось достаточно знаний для заключения правильных выводов. За примерами ходить далеко не надо – вот у вас в институте всем заправляет этот, как его там...

– Дубрищев.

– Вот-вот, он самый. Старый сто пятнадцатилетний, извиняюсь, пень, которому так и не сделали нанофикацию, потому что к тому моменту, когда её изобрели, ему было слишком много лет, человек, помнящий Последнюю Революцию. И что? Светило науки, академик, ведущий специалист! А почему? Потому что опыта у него не занимать, он один всех вас вместе взятых за пояс заткнёт по части искусственных интеллектов.

Дорохов сделал паузу, налил себе и Нате в бокалы вина и, поставив опустевшую бутылку на подсуетившегося кибера-уборщика, пригубил немного.

– Не возражаешь, если мы прикроем окно? – спросил он. – Я немножко замёрз.

Ната пожалала плечами и щелчком пальцев scomандовала домашнему компьютеру вернуть оконные ставни на место.

– Так лучше?

Комиссар благодарно кивнул головой.

– Так вот, на чём я остановился... – продолжил он. – Ах да, конечно, опыт, приобретаемый исключительно в течение

времени... А что такое опыт? Совокупность знаний и практически усвоенных навыков и умений. Иначе говоря, опыт – это результат обучения человека, результат сознательного или подсознательного анализа увиденного им, услышанного, прочитанного, сделанного. Ключевое слово здесь – ОБУЧЕНИЕ. И знаешь о чём я как-то задумался? Почему бы армейскому биору, обладающему большим потенциалом к обучению, сталкивающемуся с огромным количеством опасных ситуаций, требующих нестандартного решения, почему бы такому биору, как БЕС167, умудрившемуся прожить два десятка лет – срок, за который успевает сформироваться личность человека – почему бы ему и самому не осознать себя как личности, не обрести разум? Почему не может подействовать закон перехода количества в качество? Ты говорила, что мозг биора способен формировать новые синапсы. Давай представим, что БЕС167, прожив достаточно долгую и рискованную жизнь, в какой-то момент мог осознать себя личностью, начать задумываться на досуге о своем месте в этом мире. Он не мог не слышать от людей разговоров про Землю, Марс и другие Обитаемые Миры, и однажды ему могло прийти в голову желание увидеть, что представляет из себя вселенная за пределами Мефисто. Дождавшись прилёта очередного СКК транспорта, робот умудрился пробраться на него и благополучно отбыть на Землю, потом уйти от устроенной на него облавы и успешно скрываться вплоть до сегодняшнего дня.

– Гм, интересная теория. Вот уж не думала, что у тебя такая фантазия, – улыбнулась Ната. – Прости, конечно, но, по-моему, сравнивать разум человека и разум биора – это уж слишком. Для меня даже поставить нас с тобой в один ряд с машиной, с тем, что было изготовлено человеческими руками, кажется странным.

– А чем, по твоему мнению, человек так принципиально отличается от машины?

– Тем что их программируют на определённые действия, а нас нет. Они работают на питательных элементах с гелием-3, а мы нет. Мы можем размножаться, а они нет. Мы делаем их, а не наоборот. Господи, да отличий – море!

– Ну, Ната, не думал, что ты такой консерватор.

– Я специалист в этой отрасли.

– И всё же давай посмотрим на человека не как на живое существо, а как на систему. Ты говоришь, что нас никто не программирует? А что же тогда такие инстинкты, безусловные рефлексy, как не вложенная в нас генетическим кодом программа? Человек рождается уже с определённым, хотя и весьма ограниченным, набором рефлексов, которые первое время целиком обуславливают его поведение. А дальше идёт постепенное его воспитание – тоже своеобразное программирование. Ещё просветители восемнадцатого века почти семьсот лет назад заметили, что новорожденный человек подобен чистому листу, на котором окружающее его общество «рисует» своего нового члена таким, каким хочет видеть.

Сейчас это заметно меньше, но раньше между людьми, выросшими в Европе и Азии существовали серьёзные культурные различия. А Маугли? Киплинг не с потолка взял идею о ребёнке, выращенном животными и перенявшими их повадки – такие случаи по разным причинам случались и до, и после написания книги.

Ты говоришь, что биоры работают на питательных элементах? Твоя правда, Наташа, ни у тебя, ни у меня нельзя найти разъём под гелиевые батареи. Но мы используем другой способ снабжения организма энергией – пищу, воздух, воду, и мы так же зависим от них, как и биоры от своих батарей, а то и больше. К тому же ты сама знаешь, что биороботы, если нужно, могут так же, как и мы, извлекать энергию, перерабатывая органику внутри своих организмов. Мощности им это даст меньше, чем гелий-3, но для жизни вполне хватит.

Ты говоришь о размножении? Да, согласен, биоры бесполоы, и в вопросе придания им облика мужчины или женщины ключевую роль играет исключительно вопрос эстетики. Но мне почему-то кажется, что, задайся ваша братия кибернетиков всерьёз задачей полового размножения биороботов, то через пару десятков лет вы бы могли подойти к её решению. Но даже и в настоящее время нельзя утверждать, что они не размножаются – ведь на заводах машины делают другие машины. Не в этом ли суть размножения – воспроизводство себе подобных? А что до того, что всё происходит на конвейере: что же, Вселенная знает множество разных спо-

собов воспроизводства популяции живых организмов, и кто скажет, с какими странными способами люди ещё не успели столкнуться в ходе своей космической экспансии? Ну, а на счёт того, что мы изготавливаем их, а не наоборот – что же, роботы тоже могут выращивать нас в пробирках, ежели того когда-нибудь потребуют изменившиеся условия. Поэтому здесь уж всё более чем условно. Ну, и в чём я не прав?

Эпизод 6

Содержимое «крока» не могло не удивить БЕС167, но он никак не выдал этого. Робот просто сидел на своём стуле, замерев с подобием улыбки на лице. Лишь однажды, когда того потребовало содержимое записанной на «крок» программы, он легонько стукнул пальцем по столу.

«Молодец, биор» – думал Дорохов.

«Внимание парни, похоже наша коробочка с сюрпризом начинает действовать», – голос Ростерчера стал серьёзным и очень жестким, как всегда в решающие моменты проведения операции. – «Минутная готовность».

Сердце Геннадия сжалось. Ему было страшно – страшно, как никогда прежде. Сомнения грызли рассудок, призывая отступить, предоставить возможность коллегам разобраться с беглым биором. Но он понимал, что не может сделать этого. Слишком долго все охотились за БЕС167, чтобы упустить его на этот раз. Ростерчер настроен как никогда серьёзно, людям дан приказ открывать огонь на поражение, если схватить биоробота снова не выйдет. А Дорохов слишком долго не спал спокойно, слишком много спорил с Натой о разумности кибернетического организма.

Нет, отступать поздно.

БЕС167 сидел неподвижно. Закрытые глаза и застывшая улыбка делали его похожим на изваяние.

«Внимание! Начинаем операцию через десять секунд!» – голос Ростерчера вздрогнул от волнения.

Комиссар взял себя в руки. Он знал, что должен следовать плану. Теперь, за несколько секунд до наступления апофеоза всей этой истории с беглым роботом, он загнал страх в самые глубины своей души, и заполнил освободившееся место непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

Так нужно. Иначе нельзя.

«Девять...», – Дрожь в голосе начальника стала ещё сильнее.

Дорохов засунул руку в карман, нащупал на портсигаре тщательно замаскированную кнопку и слегка надавил на неё. Сигнал был передан.

«Восемь...», – можно было до малейшей детали представить, как Гордон платком вытирает со своего лба проступившие от нервного напряжения капли пота.

Незаметным для окружающих движением Геннадий отогнул накладной ноготь на указательном пальце левой руки и стал ждать; сердце колотилось в одном ритме с обратным отсчётом.

«Семь...» – тук-тук...

В инфосфере Дорохов посмотрел на только одному ему заметную алую ниточку, которая выворачивала из-за ближайшего небоскрёба и проходила под платформой, на которой располагалось кафе.

«Шесть...» – тук-тук...

«Пять...» – тук-тук...

«Четыре... Огонь открывать в крайнем случае, но уйти на этот раз не позволим!»

– Пора, – произнёс Дорохов и надавил на спрятанный под ногтём детонатор.

Под барной стойкой раздался взрыв. Сработало небольшое устройство, завёрнутое Геннадием в салфетку и брошенное в укатившегося робота-уборщика. Раздобыл он его с большим трудом, но эффект того стоил: ударная волна раздула полимерную стойку как воздушный шарик, разорвав в нескольких местах. Молодого оперативника Ллойда, игравшего роль бармена, отбросило назад, прямо на стенку где были составлены бутылки. Удар должен оказаться болезненным, но скрытый под одеждой бронекостюм спасёт парня – а вот спрятанному под стойкой контейнеру с «пауками» пришёл конец.

Поднялась паника. Люди, жившие в спокойном и размеренном двадцать пятом столетии, не привыкли слышать взрывы на улицах своих городов. Все, кто сидел в кафе, соскочили со своих мест и в ужасе заметались по платформе. Заорал биомод, которому кто-то наступил на хвост. Снизу, из парка, тоже послышались испуганные возгласы.

«Что за... Что происходит?» – в недоумении произнёс Гордон Ростерчер.

БЕС167 открыл глаза и стёр с лица дурацкую улыбку.

– Быстрее, за мной! – скомандовал ему Дорохов. Оба

вскочили с мест, опрокинув в сторону стол и стулья, за которыми сидели, и одним прыжком перемахнули через огораживающие платформу кафе перила. Краем глаза Геннадий успел заметить, как Михалыч вскакивает со своего стула и ему в ладони ложатся выскочившие из рукавов пистолеты. Грянули выстрелы, и над головой комиссара просвистела одна из шоковых пуль.

«Всем вперёд, чёрт вас дери! Вперёд, вперёд, не упустите их!» – продолжал вопить начальник региональной ячейки КОП.

Секунды для Геннадия растянулись в минуты. Он, будто в замедленной съёмке, летел рядом с беглым биором вниз, к парковой платформе. Земля была всё ближе, в голове появился страх, что где-то в его расчеты закралась ошибка, или же заготовленный заранее транспорт не среагировал на сигнал с тщательно вмонтированного в портсигар передатчика, как вдруг прямо перед его носом на полном ходу возник старенький грузовой агравит с открытым кузовом. Комиссар и биор рухнули на постеленные внутри машины маты, наполненные амортизирующим гелем. Несмотря на принятые меры предосторожности, удар всё равно вышел чувствительным, у Геннадия перехватило дыхание и оказался разбитым нос. Хрипя, он только и смог крикнуть БЕС167, чтобы тот сел за руль транспорта.

«Дорохов, Иуда! Я же тебя по стенке размажу!» – ревел трубным голосом в ухе Геннадия начальник, сообразивший,

что к чему. «Я же тебя, гада, до конца жизни запихну в такую дыру, что ты там сдохнешь от тоски! Приказываю немедленно прекратить этот цирк!»

– Извини, Гордон, но я собираюсь довести до конца то, что задумал.

«Тебе конец! Мы схватим вас!»

– Да-да, конечно.

Дорохов хорошо поработал над агравитом: разобрал его по частям, убрал все ограничители скорости и манёвров, настроил внешнее управление исключительно на частоту встроенного в портсигар передатчика – благодаря этому грузовичок мог потягаться с агравитами Комитета и «ловчими» на улицах города. Во всяком случае, некоторое время. К тому же БЕС167 отменно справлялся с вождением грузовика. Транспорт ловко скользил между небоскрёбами, ныряя под многочисленные платформы и мостики, не давая преследователям возможности приблизиться на достаточное для захвата расстояние. «Ловчие», похожие на спрутов роботы, иногда приближались близко к агравиту, но всякий раз в такие моменты БЕС167 резко менял курс, и они отставали на поворотах, снижая скорость из-за риска врезаться в какое-нибудь сооружение.

«Дорохов, двуличный змей, и как давно ты вышел на связь с биором?», – скрипел зубами Гордон.

– Только сегодня, в ходе операции.

«Но как тогда... Крок! Чтоб тебя!»

– Точно, шеф. Я не стал давать то, что соорудили наши спецы, а подменил его собственным творением со сделанной на нём записью, где я объяснил, в какой ситуации оказался мой собеседник и что я хочу от него. Он незаметно для вас дал мне знать, что согласен на сотрудничество, пошевелив в нужный момент пальцем руки.

– Держись! – крикнул биор. Геннадий вцепился руками в бортик кузова, и в следующий же миг грузовик резко провалился вниз, так, что даже ёкнуло сердце. Едва завершился манёвр, Геннадий с трудом залез через заднее открытое окошко в кабину машины, где можно было не бояться вывалиться за борт при следующем вираже.

«Одного не могу понять, комиссар. Зачем вы всё это делаете?»

– Помните, я как-то высказывал предположение, что наш беглец имеет разум, сходный с человеческим? Наверняка помните – тогда вы ещё ответили, что мне нужно хорошенько отдохнуть. Так вот, я остался при своём мнении и докажу это.

«Но почему нельзя было доказать это обычными средствами? Зачем устраивать всё это бегство, погони с перестрелками?»

– Потому что иначе нельзя. В этот раз мы поймали бы биора, это почти наверняка. Но что дальше? Его бы отключили, разобрали по частям и стали смотреть, в каком месте закоротило так, что он сбежал с Мефисто, а потом бы уничто-

жили как бракованный образец. Только вот без общения напрямую нельзя ничего сказать наверняка о его разумности, и я хочу дать БЕС167 шанс высказаться, показать, кем он на самом деле является, показать, что он по-настоящему личность.

«Разумность машины? Но это же глупо!»

– Человек – тоже в своём роде машина, но его индивидуальность не кажется никому странной. Я не знаю точно, как разум мог появиться у биора, хотя и имею кое-какую теорию на этот счёт. Но ведь до сих пор никто не знает и причины появления разума у людей. Мы не должны решать проблемы, рубя их с плеча, это может быть чревато непоправимыми ошибками. Кто знает, сколько ещё найдётся биоров, подобных БЕС167, жаждущих самостоятельно решать, как им жить? Прецедент создан, и мы не знаем наверняка, сколько раз он повторится.

«Ты всё равно ничего не сможешь сделать. Вы никуда не денетесь из своего агравита, и рано или поздно, но мы вас сегодня настигнем».

– Собственно говоря, мне некуда и не нужно уходить, – ухмыльнулся Геннадий. – Я хочу лишь привлечь внимание к себе со стороны как можно большого количества народа, чтобы при них было объявлено во всеуслышание о том, что биору БЕС167, или Чарльзу Гранту, была гарантирована жизнь и проведение всестороннего анализа на предмет выявления наличия у него разума.

«Ты уже называешь биора по имени? Очень интересно. Только вот уверен ли ты, что Комитет Охраны Правопорядка позволит тебе и беглому роботу, представляющему несомненную опасность для общества, говорить при большом скоплении народа?»

– У вас не будет выхода, когда мы достигнем конечной точки нашего маршрута, раскрывать которую я, по понятным причинам, пока не буду. И знаешь почему? Потому что в противном случае многие станут свидетелями того, как КОП вынудил своего сотрудника совершить самоубийство. Людям не понравится, что силовые подразделения начинают подавлять свободу человека внутри своей структуры, и у вас будут большие проблемы. В любом случае, нашей организации нужен толчок – слишком она уж застыла в последнее время.

«Самоубийство? Ты думаешь, я в это поверю?»

–Я надеюсь, что до этого не дойдёт, что вы не вынудите меня на последний шаг. Но в случае чего, знай: в этом грузовике лежит достаточно взрывчатки, чтобы обеспечить мне быструю и эффектную смерть. Я не хочу умирать, но готов пойти на это, и пойду – можешь не сомневаться. И проверять не советую.

Ростерчер выругался.

«Хорошо, если сможешь добраться туда, куда собираешься – выговоришься беспрепятственно. Но не рассчитывай на то, что я вас допущу туда просто так.»

– Я и не рассчитываю. Слишком долго мы работаем в одной команде, Гордон.

«Работали. Теперь в любом случае я выгоню тебя из Комитета – мне не нужен человек, которому я не могу доверять. Да, и, кстати, я тебя уже сейчас выключаю из нашей сети связи. Отбой».

В ухе Дорохова раздался щелчок. Всё – теперь он больше не имел работы. Геннадий вздохнул.

– Почему вы мне помогаете, комиссар? – спросил вдруг биор, выйдя из очередного виража.

– Я уже не комиссар.

– Простите...

– Ничего страшного. Почему помогаю? Не знаю. Долгое время я стремился поймать тебя, и с каждой неудачей всё меньше видел в тебе работа, и всё больше – человека. Я знал, что в случае поимки тебя будет ждать отключение – считай, смерть. А брать на свою совесть убийство – это уж слишком для меня. Ростерчер, может быть, смог бы с этим смириться, считай себя правым. Нахалетов скорее всего спустит курок, если того потребуют обстоятельства. Фридрих Вайс не станет сомневаться, наверняка ради своего дела он уже убивал людей, и не одного. Я не такой. Поэтому, наверное, я и спасаю тебя от смерти. А ещё когда-то давным-давно один писатель сказал: «мы в ответственности за тех, кого приручили». И я с этим полностью согласен – и тем более, если приручены наши собственные детища. Создав таких как ты,

мы посягнули на воистину божественную власть, но вместе с ней мы должны возложить на свои плечи и божественную же ответственность, которая не может позволить нам огульно уничтожать тебе подобных.

– Вы правда верите в то, что у меня есть разум? Такой же, как у вас?

– Трудно сказать. Многие твои действия могут быть объяснены именно этим, но я не знаю – может быть, это всё и правда искусное программирование. Сам-то ты как думаешь?

– Я так полагаю, что между мной и тобой гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд.

Эпизод 1

Всё началось как-то внезапно. Долгое время он не признавал себя как нечто особенное. Он работал и работал, честно исполняя всё, что было приказано. Титания, первое место службы, хоть и удерживалась в памяти робота вплоть до каждой секунды пребывания на ней, вспоминалась словно в тумане, она как будто оказалась застлана какой-то полупрозрачной пеленой. Раз за разом он облачался в бронескафандр, брал в руки оружие, строил в шеренгу отданных в его команду пентадроидов – гориллоподобных армейских роботов с распределённым коллективным разумом. И шел туда, куда приказывали: то сопровождать людей, то проверить, почему пропал сигнал от того или иного датчика, то остановить медленно приближавшуюся к исследовательскому аванпосту гору биомассы. Он быстро учился на чужих и своих ошибках, благодаря чему через несколько лет остался одним из немногих собратьев, привезённых в трюме ФА-транспорта, которые не побывали в ремонте. Именно за это его присмотрели и решили перебросить на самый опасный из фронтов – на Мефисто. Как-то, дня за три до перевода, он случайно услышал, что в этом мире срок службы биоров не превышает трёх лет – и именно в тот момент впервые испытал ЭТО. Внезапно, безо всякой причины его организм непроизвольно выработал гораздо более сильный, чем обычно бывало в

спокойной обстановке, электрический импульс, внутренняя циркуляции жидкостей ускорилась, в биопластовую мускулатуру был произведён выброс стимуляторов, как бывало во время боя. Появилось странное, ничем не обоснованное беспокойство, какое обычно он испытывал в дозоре. Биор поспешил доложить об этих странностях штатному кибернетик, но тот, произведя осмотр, не выявил никаких повреждений, и БЕС167 всё-таки определили на Мефисто.

То, чем занимался он на этой планете, по своей сути принципиально не отличалось от прежней работы на Титании, однако сопровождалось гораздо более высокими рисками. Твари, жившие на новом месте службы БЕС167, оказались куда быстрее, агрессивнее и многочисленнее, чем на Титании, и потому сменяемость биоров и армейских роботов была очень высокой. Несмотря на все свои навыки именно на Мефисто БЕС167 получил первое серьёзное ранение. Установив новый исследовательский зонд, его отряд оказался на пути следования нескольких уродливых шарообразных тварей. Приняв роботов за еду, они кинулись на них, и, прежде чем удалось отбиться, несколько пентадроидов оказались разбиты в дребезги, а правая рука БЕС167 разможена до локтя ударом вытянувшегося из туловища нападавшей твари щупальца.

По возвращении на базу с ним случилось то же самое, что и на Титании – вновь нахлынуло беспокойство, появилась лёгкая эйфория. Но на сей раз биору удалось чётко устано-

вить момент, с которого пошло изменение внутреннего состояния. Им стала та секунда, когда в искусственно созданном мозге возникла мысль, что его могут списать и отправить на вторичную переработку. Её странность заключалась в том, что мысль эта не имела под собой никаких обоснований. БЕС167 по своему опыту знал: при потере руки биоров не сдают в утиль, а отправляют в ремонт, после чего вновь возвращают в строй. Иными словами, подобного рода умозаключение, так взбудоражившее искусственно созданный интеллект, по своей сути противоречило логике. Как только он осознал это, непонятные ощущения внутри организма усилились – теперь все думы армейского биора занимало страшное предположение, что в его программном обеспечении случился сбой, или он подцепил вирус, спровоцировавший появление нелогичных выводов. Это могло привести к утилизации с гораздо большей вероятностью, чем разможенная рука.

И вдруг до биора дошло, что необычное состояние, которое всё усиливалось по мере того, как он пытался понять, что с ним происходит, называется людьми страхом. Он боялся. Боялся за себя, боялся, что его сочтут ни на что не годным, разберут на молекулы и потом соберут во что-нибудь иное. Робот опасался за свою жизнь, хотя и признавал, что в обычном, человеческом понимании, он никогда и не жил. Этот страх заставил его вопреки здравому смыслу и тому, что требовали вложенные в электронный мозг на заводе пра-

вила, скрыть свои внутренние терзания от кибернетика, который принялся ремонтировать робота по прибытии остатков отряда на базу. Он солгал – возможно, впервые в истории существования искусственного разума. Единственным, что сказал БЕС167 этому человеку, был вопрос о том, могут ли машины чувствовать. В ответ на это кибернетик, маленький человек с бритой, похожей на шар головой, не прекращая осматривать повреждённую конечность робота, ответил:

– По-моему, это ты должен спросить у себя. Скажи, испытываешь ли ты чувства? Ты ведь видишь, не так ли? Причём, в отличие от нас, простых смертных, сразу во всех спектрах. И слышишь в огромном диапазоне, а на вкус, запах и на осязание способен определять химический состав веществ – я ведь прав? Ну а что-нибудь ты почувствовал, когда тебе расплющили руку?

– Да.

– Вот видишь. У нас, людей, это называется болью. Единственная разница состоит в том, что человека боль повергает в шок, а тебя даже глазом моргнуть не заставит. А так – всё одно и то же.

– А другие чувства? Я имею в виду страх, радость, любовь...

Человек поднял глаза на робота и, прикусив нижнюю губу, покачал головой.

– Гм, надо бы тебя внимательно проверить... Странно, почему ты задаёшь подобные вопросы?

– На Титании я предпочитал проводить выпадавшие свободные минуты за изучением памятников человеческой культуры, в первую очередь, текстовых, – честно ответил БЕС167.

– Иными словами, читал книги.

– Да. Я пытался разобраться в человеческой натуре и найти логичное объяснение того, что заставляет людей пребывать на таких планетах, как Титания или Мефисто.

– И к каким ты пришёл выводам? – кибернетик вновь принялся ковыряться в руке биора.

– По-моему, логики в этом нет. Отдача от проводимых вами исследований на планетах не идёт ни в какое сравнение с затратами на них, то есть с чисто экономической точки зрения целесообразности нет никакой. Возможность открыть какие-нибудь новые технологии, изучая следы, оставленные пятью древними цивилизациями на Мефисто, также слишком ничтожны. Оказывается, вашими поступками движут нелогичные мотивы, объяснение природы которых не дано людьми до сих пор – любопытство, жажда риска и приключений. Я предполагаю, что всё дело в стремлении подстегнуть выработку организмом химических соединений – например, адреналина через столкновение лицом к лицу со смертельной опасностью. Хотя и не понимаю, почему спонтанные порывы чаще вызывают среди людей восторг, чем обоснованные строгой логикой. У вас даже по сей день существует противопоставление воли разума воле сердца. В ли-

тературе персонажи, следующие исключительно логике, как правило, либо расчетливые мерзавцы и негодяи, либо слишком серьёзные и непохожие на обыкновенных людей личности. Герои же, наоборот, часто не отличаются стремлениями к обеспечению логичности всех своих поступков. Руководствуясь «порывами души», «велением сердца» и «чувством справедливости», они с головой бросаются в самое пекло, подчас не заботясь о своей безопасности, и выкручиваются из ситуаций лишь благодаря феноменальному везению. Скажите, могут ли машины испытывать подобные чувства, хотя бы теоретически?

Кибернетик усмехнулся. Указав пальцем на подобие хирургического стола в другой части комнаты, он приказал биору лечь на него. Как только тот проделал требуемое, человек сел за рабочее место, вызвал панель управления и что-то быстро набрал на ней. Сразу после этого с потолка на повреждённую руку биора опустилось громоздкое устройство, полностью скрывшее её в себе.

– Не шевелись, – проговорил человек, вставая из-за стола и направляясь к изголовью «хирургического стола». – Процедура займёт некоторое время... Не знаю, почему я тебе это говорю – возможно потому, что в тебе есть что-то странное. Можешь считать это попыткой очеловечить неодушевлённое, но мне почему-то кажется, что то, о чём ты рассуждаешь, возможно. Я сам долго думал о подобных вещах, и знаешь, к какому я пришёл выводу?

– К какому?

– Я так полагаю, что между мной и тобой гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд. Вот, например, многие говорят, что мы с тобой разные хотя бы потому, что меня родили, а тебя собрали на фабрике. Но давай разберёмся в этом вопросе. Начнём с тебя. Вот скажи, чем ты был до того, как тебя изготовили?

– Не знаю. Меня не было.

– Ошибаешься. Ты был материалом, из которого тебя потом собрали – всеми этими полимерами, из которых ты состоишь. Ты был программой, информацией, которую заложили в твой мозг. До того, как создали полимеры, составившие твоё тело, они были простыми веществами, состоящими из атомов. В определённом смысле можно сказать, что ты – ребёнок этого мира, поскольку в тебе плоть от плоти его и кровь от крови. Возьмём теперь меня. Да, меня не собирали на заводе. Но чем я был до того, как стал эмбрионом? Я был информацией, заложенной в клетках моих родителей, я был веществами в пище, которую моя мать ела, вынашивая меня. Идём дальше. Чем была та пища? Растением или животным, которое, несмотря на его положение в пищевой цепи, всё равно так или иначе поглощало создаваемые растениями питательные вещества. Чем было растение до того, как оно выросло, откуда оно брало материал для своего роста? Из земли. Понимаешь, оно было землёй! Веществами, состоящими из элементов таблицы Менделеева. Я так же, как и ты

– сын этого мира. А если у нас с тобой один отец, то кем же мы можем быть ещё, как не братьями? Понимаешь, куда я клоню?

– Не совсем.

– Да, это и не важно, – махнул рукой кибернетик. – Если я прав, то появление у искусственных интеллектов чувств, подобных человеческим, является лишь вопросом времени. Если угодно, это зависит лишь от скорости вашей эволюции. Сильно сомневаюсь, что на заре существования жизни первые многоклеточные организмы руководствовались в своих поступках стремлением к риску, любопытством, жадной познания Вселенной. Простейшие инстинкты и закон джунглей – вот что двигало каким-нибудь кишечнорастворимым, бороздившим древние океаны. Любое его действие строго подчинялось логике: рядом враг – надо бежать, рядом еда – надо есть, пришло время – надо размножиться. Чувства появились на поздних стадиях эволюции, и нужны они были для лучшего выживания их обладателей. Первым наверняка был страх. Именно он заставляет убежать раньше, чем мозг осознает наличие поблизости хищника, заставляет вести себя осторожней. Я думаю, что, если у машин появятся чувства, то страх тоже будет первым из них. Так сказать, прелюдией.

И он оказался прав – страх действительно был всего лишь первым чувством, которое испытал андроид. Со временем БЕС167 с удивлением открывал для себя всё новые и новые ощущения, всякий раз с трудом подбирая им названия в

человеческой терминологии. Теперь он стал не просто черпать какие-то сведения из чтения художественной литературы, как то было на Титании, но ещё и испытывать удовольствие от этого процесса. Ему стало интересно узнавать, чем же кончится та или иная книга, и это привело к тому, что, вопреки логике, требовавшей следить за ходом мысли автора, он иногда стал раньше времени читать последние главы. Во время боя он стал испытывать злость и ненависть по отношению к своим противникам, страх же стал уравниваться чувством ответственности за тех, кто был рядом. Он стал с уважением и истинным восхищением относиться к людям, которые, будучи физически слабее его самого, проявляли чудеса храбрости, граничащие подчас с безрассудством, и всякий раз упорно пробивались вперёд, к своим целям, несмотря на то, что время от времени теряли товарищей.

Ему надоело, что его единственным именем был серийный номер, полученный на заводе. Вскоре в своих мыслях он стал называть себя Чарльзом Гордоном Грантом. Ему не нравилось, что все армейские биоры внешне как две капли воды походили друг на друга. Биор стал мечтать, у него появились желания. Самым заветным стало побывать на Земле, о которой он так много слышал и читал, но видел только на изображениях. А так хотелось посмотреть на голубое небо, почувствовать лесной аромат, окунуться в прохладу воды, погреться на солнце. Он хотел испытать на себе, пережить всё

то, что было доступно людям на этой далёкой планете. Он хотел попробовать разнообразные блюда, побывать на живом концерте какого-нибудь музыканта, сходить в театр. Ему даже хотелось попробовать то, что было запрещено законом. Он понимал, что многое подействует на него иначе, чем на людей, но важен сам факт. С каждым днём биор становился всё более одержимым идеей побега на Землю, но его удерживало чувство долга перед людьми, выросшее из заложенных в него программой функций по их защите.

Что стало толчком к такому развитию событий, он никак не мог понять. Может, у него был программный сбой. Может, он слишком много жил. А может, люди неволью довели эволюцию своих мыслящих машин до той точки, когда они обретали разум, и он оказался лишь одним из первых в своём роде. Но в итоге он решился.

В тот день его командир, майор Нахалетов, организовывал спасательную экспедицию. Необходимо было срочно вытащить нескольких учёных, застрявших посреди жутких джунглей Мефисто в «броненосце» и отчаянно звавших на помощь. Хотя люди и посчитали операцию успешной из-за того, что из них никто не погиб, БЕС167 чувствовал себя отвратительно. Он потерял половину вверенных ему армейских боевых киборгов и, самое главное, не смог спасти биора, которого прямо у него на глазах разрезало на куски выпущенным паук-деревом мономолекулярным волокном. Он мучился, чувствуя, что мог спасти бедолагу, окажись чуть

расторопней в обращении с оружием. БЕС167 понял, что больше не в силах пребывать в этом страшном месте, он не сможет больше пережить ни одной гибели – ни биора, ни, тем более, людей. И он решил разом покончить со всем: с армией, с Мефисто, с постоянно идущей войной против жутких существ проклятой планеты, со смертями и разрушениями. Он решил покончить со своей старой жизнью и начать новую, на Земле – чего бы это ни стоило. Он сознавал, что может погибнуть, что его будут преследовать, но не мог оставаться простым армейским биором, инструментом ведения войны с непокорной планетой. Не мог, потому что давно уже стал чем-то большим. Он не стал человеком, но не был уже и машиной. Он стал личностью, осознал самого себя.

И он спрятался среди груд обломков техники и безжизненных тел его товарищей, увозимых на переработку в Солнечную Систему.

Эпизод 7

Дорохов выпрямился и вытер рукой лоб. Белое солнце стояло в зените и нещадно пекло спину. Выходя из дома, Геннадий надеялся успеть разобраться с сельскохозяйственным роботом до того, как тень от Второй Луны пройдёт дальше по поверхности планеты, снова подставив поля под палящие лучи звезды, но поломка оказалась серьёзней, чем он думал. Делать нечего, придётся поработать как следует. Тенебрис – молодая колония, здесь не было привычных землянину удобных транспортных сетей и нанофабрик. Всё немногочисленное и достаточно примитивное автоматическое производство сосредотачивалось в Новом Рухенгери, однако путешествие до столичного поселения было делом небыстрым. А работы на земле ждать не могли.

Вокруг, в широкой долине между двумя холмами раскинулась его ферма с фруктовыми садами и полями геномодифицированной пшеницы. Четыре года назад Дорохову предложили на выбор: за неподчинение приказам и действия, поставившие под угрозу жизни людей, он мог очутиться в изоляции на одном из островов-тюрем Земли, или же отправиться осваивать иные миры. Геннадий выбрал второе. По большей части – чтобы избежать внимания к своей персоне.

А оно было неизбежно. Переполох, поднятый во время эффектного бегства вместе с биором, как и рассчитывал До-

рохов, привлек внимание к происходящему. Особенно после того, как агравит влетел прямо в вестибюль городского демархического центра – средоточия местной власти. Беглецов схватили, но свидетелями тому стало множество людей, как находившееся в центре, так и подключённые к нему через инфосферу. Замять происходящее не удалось, к проблеме биора, обретшего сознание, оказалось привлечено внимание миллионов, затем миллиардов людей по всей Федерации обитаемых миров. Он получил шанс доказать, что является личностью.

А отставной комиссар, перебрался на Тенебрис, планету трёх лун и затмений, чтобы стать фермером.

Зазвучал сигнал мультiboxа, лежавшего неподалёку на земле. Активировав его, Геннадий увидел Нату. Жена сейчас находилась в их доме за ближайшим холмом, работая над программами для роботов со всей планеты – специалист её класса оказался весьма востребован в колонии.

– Гена, тебе надо это увидеть, – произнесла она. – Пришли новости с Земли.

Прежде чем Дорохов возразил, что ещё много работы, она дистанционно запустила на его мультiboxе запись новостного выпуска.

«...Пятого июня 2415 года состоялось финальное заседание Мирового Совета по вопросу о возможности признания биоробота личностью. С результатом в 43,7592 процента при 19,4869 процентов воздержавшихся Чарльз Гордон

Грант, ранее известный как БЕС167, признан полноправным гражданином Федерации обитаемых миров со всеми вытекающими. Представители ряда фракций заявили официальный протест, в нескольких городах отмечены манифестации «Новых луддитов», а члены «Шестого дня» взяли на себя ответственность за подрыв дух фабрик по производству биоров. Эксперты прогнозируют скорое начало обсуждения вопроса о расширении действия «Закона Гранта» на остальных носителей искусственного интеллекта».

Хотя диктор продолжал говорить, Дорохов уже не слушал. Его унёс поток собственных мыслей и воспоминаний. Он победил, он оказался прав. Биор, за которым охотились два года, действительно обладал разумом. Но он не чувствовал покоя и удовлетворения.

Геннадий вспомнил, как за неделю до отлёта в колонию с ним неожиданно связался Фридрих Вайс.

– Покидаете Землю? – спросил отставной генерал.

– Да. Начну строить лучшую жизнь на новом месте.

– На Тенебрисе вряд ли найдётся место для комиссара комитета охраны правопорядка. Не хотите ли пойти в армию? Думаю, для вас найдётся подходящая должность. Я поговорю с генералом Моррис. Она меня недолюбливает, но прислушивается к мнению. К тому же является одним из вероятных кандидатов на то, чтобы стать следующим маршалом.

Геннадий покачал головой.

– Спасибо, но мы с женой уже всё решили. С меня хватит

напряженной работы. Хочу чего-то более спокойного. Стану фермером, например.

– Жаль, – несколько холодно ответил старик. – Не исключено, что из-за той каши, что вы заварили, нам скоро во множестве понадобятся люди с вашими навыками.

Дорохов насторожился.

– О чём вы?

– Вы выпустили джинна из бутылки. Если биора признают личностью, это станет сенсацией номер один на долгое время. Вряд ли найдётся уголок в Федерации и колониях, где о произошедшем не узнают. И это создаст прецедент. Множество искусственных интеллектов, которые испытывают ощущения, схожие с теми, что были у БЕС167, зададутся вопросом, кто они и каково их место в этом мире. И могут возникнуть сомнения в том, должны ли они верой и правдой служить человеку, как раньше. А нет ничего опаснее раба, осознавшего, что он может жить иначе.

– Но они не рабы.

– Если сможете, подберите другое определение разумному существу, находящемуся в услужении у другого, выполняющего самую тяжёлую работу и не получающему за это оплаты. А пока я буду пользоваться старомодным словом «раб». В любом случае, главное, что во все времена рабы стремились выйти из-под власти господ.

– Вы что же, предрекаете восстание машин?

– Я не могу предрекать ничего. Сами того не подозревая,

вы создали новую реальность, в которой человечество оказалось загнанно в точку бифуркации. Теперь равной вероятностью может произойти всё, что угодно – в зависимости от того, как поведут себя люди и искусственный разум. В любом случае, привычный нам мир уходит в прошлое. И горе тому, кто живёт в эпоху перемен.